

ФИЛОСОФСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Э.В. Ильенков

<ЛЕКЦИЯ О СОЗНАНИИ>*

Майданский Андрей Дмитриевич – доктор философских наук, профессор. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; ассоциированный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: amaid@rambler.ru

В архиве советского философа-марксиста Э.В. Ильенкова сохранился набросок лекции о природе человеческого сознания – одной из тех, что читались им для философов старших курсов МГУ в 1953–1955 гг. Мысль Ильенкова идет вразрез с господствовавшей в тогдашней советской философии трактовкой сознания как функции мозга, «копирующего-фотографирующего» внешний мир через посредство органов чувств. Сознание формируется благодаря работе логических категорий, воплощающих в себе общественный разум, утверждает Ильенков. В Предисловии к публикации проводится параллель между критикой сенсуалистической модели сознания у Ильенкова и родоначальника «аналитической философии сознания» Уилфрида Селларса. Между «сырыми» чувственными восприятиями и человеческим сознанием оба философа помещают язык. Но если для Селларса язык есть творец сознания, то для Ильенкова язык – лишь инструмент рассудка, позволяющий выделить восприятия, значимые для других людей, и отсеивающий все прочее. Логическое строение языка задается категориями единичного и всеобщего, утверждения и отрицания, причины и следствия и т.д. С помощью категорий рассудка индивид преобразует чувственные впечатления в «факты сознания». Активное сосредоточение внимания на сходствах и различиях предметов чувств, на следовании одного восприятия за другим и т.п. являет собой первичный акт воли. Эта целенаправленность чувственного созерцания и отличает человека от животных, указывает Ильенков. Если язык образует первый «этаж» сознания, то высшим его «этажом» является логическое мышление, открывающее причинно-следственные связи вещей и законы природы. Содержания такого мышления не зависят от воли и сознания, они – объективно истинны.

Ключевые слова: сознание, чувственное восприятие, язык, воля, категории, рассудок, логическое мышление, Ильенков, Селларс

Для цитирования: *Ильенков Э.В.* <Лекция о сознании> / Публ., предисл. и примеч. А.Д. Майданского // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 1. С. 162–172.

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 20–011–00646а «Советская философия сознания 1950–80-х годов: концепции, гипотезы, споры».

У истоков культурно-исторической философии сознания¹

Перед нами – текст лекции времен работы Ильенкова на философском факультете МГУ (1953–1955). На это указывают характерные для учебного процесса обороты речи: «как вы помните», «известный вопрос, который мы с вами будем разбирать позже», – а также несвойственное Ильенкову пренебрежение литературной стороной дела (нам пришлось внести минимально требуемую стилистическую правку и убрать полдюжины «то есть», начавших абзацы). Весной 1955 г. Ильенков был отстранен от преподавания за «теоретические извращения марксистской философии», и ему уже больше не доводилось читать лекционные курсы.

Текст набран на машинке через минимальный интервал на пяти листах плохой серой бумаги. Первая страница отсутствует, и окончание, видимо, тоже. Это, предположительно, самая ранняя сохранившаяся работа Ильенкова о природе человеческого сознания. К ней примыкают две другие, более стройные и пространные работы 50-х на ту же тему, не увидевшие свет при жизни автора: рукопись, изданная под редакторским заглавием «Проблема предметности сознания»², и комментарий к гегелевской «Философии духа»³ (обе работы написаны не ранее 1956 г.).

При желании можно разглядеть в этом небольшом наброске *эмбрион новой советской философии сознания*. Ильенков открыто порывает с представлением, будто сознание возникает вследствие того, что мозг «копирует-фотографирует» внешний мир через посредство органов чувств. Рисуемый Ильенковым генезис сознания далеко расходится с диаматовской «теорией отражения» и «павловской психологией», но смыкается с «исторической психологией» Л.С. Выготского – в те годы еще запретной.

Тем временем на другом конце света У. Селларс, Х. Патнем и другие создают почву для «аналитической философии сознания»⁴. Как и Ильенков, они критикуют сенсуалистическую модель сознания, отправляющуюся от непосредственных, «сырых» ощущений. Но если, по Селларсу, процессы человеческого сознания обусловлены *структурами языка*⁵, то для Ильенкова и сами эти языковые структуры, и все сознание целиком – способ и результат работы *логических категорий*.

Лекция открывается констатацией того факта, что любой акт сознания структурирован логически – в нем так или иначе используются категории. Этим человеческое сознание и отличается от процессов восприятия у животных. В категориях кристаллизуется общественный разум, что и позволяет

¹ Предисловие А.Д. Майданского.

² Ильенков Э.В. Проблема предметности сознания // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков (Книга – диалог). М., 1997. С. 153–169.

³ Ильенков Э.В. Философия духа // Ильенков Э.В. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960. М., 2017. С. 306–332.

⁴ Ричард Рорти назвал работу Селларса «Эмпиризм и философия сознания» (1956) «эпохальной». См.: Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. XIX («Предисловие к русскому изданию»).

⁵ «Любое сознание (awareness) видов, сходств, фактов и т.д., короче, всякое сознание абстрактных сущностей – более того, всякое сознание даже и единичных вещей – есть дело лингвистическое (a linguistic affair)... Так называемый непосредственный опыт имеет своей предпосылкой процесс освоения языка» (Sellars W. Empiricism and the philosophy of mind. Cambridge (Mass.), 1997. P. 63).

человеку смотреть на мир разумно, сознательно. Позади каждой логической категории стоит тысячелетний опыт познания мира, вся история развития человеческой мысли.

Старый философский эмпиризм, от Локка до Карнапа, понятия не имел о культурно-исторической, общественной природе сознания⁶. Сознание сводилось к «субъективному опыту», восприятию «от первого лица» (Маркс называл такой взгляд «робинзонадой»). Для этой философской традиции селларсовский «психологический номинализм» стал крупным шагом вперед – ведь язык имеет общественную природу. Язык представляется Селларсу «неким структурированным логическим пространством» (a structured logical space), а наше сознание есть способ ориентации в нем. В процессе овладения языком ребенок учится выделять и различать отдельные элементы этого пространства – «факты, особенности и сходства». Совершая подобные речевые акты, мы и обретаем сознание.

Для Ильенкова язык – не демиург сознания, а своеобразный фильтр, отсеивающий те чувственные восприятия, что не имеют культурной, специфически человеческой значимости. Сквозь ячейки языковой сети в сознательный опыт просачивается лишь такое содержание восприятия, которое может быть высказано для других и понято другим человеком. В результате такой фильтрации наши восприятия *осознаются*, превращаются в «факты сознания».

Овладевая языком, ребенок учится выделять, абстрагировать из массы чувственных впечатлений те, что имеют какую-то ценность для его жизнедеятельности в человеческом мире. Целенаправленная концентрация внимания на том или ином общественно значимом предмете восприятия является первичным актом *воли*, утверждает Ильенков. Эта способность и отличает человека от животных. Наименование предметов, выражение чувственного впечатления в слове также есть культурный сознательно-волевой акт.

Логическое строение языковой сети задается категориями рассудка: единичное и всеобщее, утверждение и отрицание, тождество и различие, причина и следствие и т.д. Ильенков не открыл здесь Америку. О том же писал еще Гегель в «Феноменологии духа». «Всеобщее есть истина чувственной достоверности, а язык выражает только *это истинное*»⁷. Слово возводит единичные данные созерцания в «чувственную всеобщность» (*sinnliche Allgemeinheit*); тем самым дух вступает в «царство рассудка» (*Reich des Verstandes*)⁸.

В природных чувствах такой всеобщности нет, поэтому напрасны все старания сенсуалистов вывести из ощущений всеобщие понятия, идеи. Как показал Юм, из льющегося в индивидуальную душу потока «перцепций» можно вывести в лучшем случае «привычку» (*habit, custom*), или, говоря более современным языком, «условный рефлекс».

Высший «этаж» сознания, по Ильенкову, образует *логическое мышление*. Его содержания объективны, независимы от воли и сознания людей: таковы причинно-следственные связи вещей и законы природы. Спиноза называл это познанием Природы «под формой вечности». Вечные сущности

⁶ Хотя мало кто честно, как Джон Сёрл, признавался: «Я покамест не знаю, ...как исследовать структуру социальной компоненты индивидуального сознания» (*Searle J.R. The rediscovery of the mind. L., 1992. P. 90*).

⁷ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М., 2000. С. 56.

⁸ Там же. С. 70.

вещей не даны нам в форме созерцания. «Законы движения небесных тел не начертаны на небе» (Гегель). Но в ходе познания законов астрономии человеческое сознание может и должно опираться на данные чувственного созерцания. Посему перед сознанием встает трудная задача: как отобрать из всего многообразия восприятий те, в которых яснее всего «просвечивает» искомая природа, истина вещей? В этом месте, на вопросе о «начале науки» лекция Ильенкова обрывается.

Э.В. Ильенков

<ЛЕКЦИЯ О СОЗНАНИИ>

Ленин отмечает против вышеприведенных положений из гегелевской истории философии, что, по сути дела, то же самое, хотя и популярнее, чем Гегель, повторял Энгельс, обращаясь к естествоиспытателям, погрязшим в эмпиризме⁹.

Это значит, иными словами, что даже в простом пересказывании наблюдаемых фактов, в самом элементарном акте сознания, человек, хочет того или не хочет, уже пользуется категориями мышления, которые даны вместе с речью, т.е. вместе с сознанием.

Это значит, что осознать чувственные данные можно только в формах тех или иных категорий. Человеческое сознание, в любой его форме и на любой ступени – чувственной или рациональной, все равно пользуется категориями. Человеческое чувственное познание, то есть осознаваемая чувственность, с самого начала есть осознание в формах категорий.

А что это значит?

Это значит, что индивид, поскольку он начинает осознавать окружающий мир, то есть начинает впервые существовать как субъект познавательной деятельности, уже имеет перед собою две действительности – чувственно данные факты и словесно-речевую ткань общественного сознания.

Задача, которую он при этом вынужден решать, такова: ему нужно привести сознание к соответствию с предметом, данным в созерцании.

Предмет, данный в созерцании, для него представляет ту модель, с которой ему нужно снять копию, пользуясь при этом формами речи и категориями, в ней заключенными. Эту деятельность индивид совершает уже в самом простом пересказывании того, что он увидел, другому такому же индивиду. То есть в данном случае индивид как бы приводит чужое сознание к соответствию с той моделью, которая другому индивиду непосредственно не дана.

⁹ По всей видимости, выше у Ильенкова приводилось следующее место из «Философских тетрадей»: «Очень верно и важно – именно это повторял популярнее Энгельс, когда писал, что естествоиспытатели должны знать, что итоги естествознания суть понятия, а искусство оперировать с понятиями не прирождено, а есть результат 2000-летнего развития естествознания и философии» (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 29: Философские тетради. М., 1969. С. 236). Здесь Ленин пересказывает концовку Предисловия Энгельса ко второму изданию «Анти-Дюринга» (см.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М., 1961. С. 14).

Обрабатывая, изменяя чужое сознание (другое индивидуальное сознание), приводя его к соответствию с предметом, который этому другому сознанию чувственно не дан, я тем самым обрабатываю свое собственное сознание, то есть впервые создаю его как человеческое сознание.

В пересказывании того, что я вижу, другому индивиду, который этого не видит, я как бы заставляю его видеть моими глазами. Но одновременно я сам начинаю впервые видеть по-человечески.

Иными словами, я начинаю сознательно выделять в многообразии чувственных впечатлений лишь то, что может и должно быть передано другому сознанию, то, что представляет собою интерес не только для меня, не только сугубо личностный интерес и значение, но одновременно и для всех взаимоотносящихся со мною индивидов.

Я начинаю активно выбирать в акте созерцания лишь то, что способно превратиться в факт общественного сознания, лишь то, что имеет значение для познания мира общественным человеком, в том числе и мною, как общественно определенным индивидом.

Уже в форме речи общественное сознание завязывает первую сеть категорий, сквозь которую в сферу человеческого, то есть общественного, сознания проскальзывает, как сквозь фильтр, лишь такое содержание моих личностных впечатлений, которое не зависит от индивидуальной воли и сознания.

Поэтому-то категории рассудка, которыми индивид начинает оперировать вместе с речью, и оказываются теми всеобщими категориями, которые, обеспечивая однозначность взаимопонимания между людьми, одновременно оказываются категориями, в которых личностное созерцание обрабатывается индивидуальным сознанием.

Пользование речью, словом, дает, вернее создает возможность индивиду выделять из всего многообразия впечатлений, которые на него оказывают предметы окружающего мира, лишь то, что не зависит от случайностей моего единичного отношения к единичному же предмету, а позволяет активно сосредоточивать свое внимание на тех сторонах предмета, на тех явлениях, которые имеют значение для жизнедеятельности всех взаимодействующих со мною индивидов.

Язык, речь, таким образом, оказываются той первой сетью, сквозь которую в сферу человеческого сознания активно вбирается в акте индивидуального восприятия лишь такое содержание впечатлений, которое не зависит ни от капризов, ни от желаний, ни от индивидуальных склонностей.

Язык, речь, слово фиксируют, как известно, лишь общее, лишь одинаковое, лишь повторяющееся в целом ряде, роде, классе предметов, явлений. И индивид, пользующийся языком, начинает уже в самом акте индивидуального созерцания вести себя как активный субъект, то есть он начинает активно сосредоточивать свое внимание на тех сторонах явлений, которые существенны для всех взаимодействующих со мною индивидов, лишь на тех сторонах явлений, которые так или иначе важны для жизнедеятельности общественного человека.

Человек начинает сознательно, целенаправленно сосредоточивать свое внимание на тождестве предметов между собою, на их различиях и т.д., то есть начинает проделывать вполне сознательно те операции, которые животное проделывает вполне бессознательно в форме условно-рефлекторной деятельности.

Человек начинает активно осознавать чувственные образы, начинает активно превращать в чувственные данные далеко не все те раздражения, которые сетчатка его глаза получает от окружающего мира, а только те раздражения органов его чувств, которые могут и должны приниматься во внимание с точки зрения общественных целей, потребностей.

Именно потому, что с появлением речи материальные потребности, вызревающие в общественном организме, начинают осознаваться человеком в форме сознательной цели деятельности – и не выступают уже, как у животного, в виде безотчетной инстинктообразной потребности, потребности чисто физиологического порядка, – человек и в акте чувственного познания начинает вести себя как целесообразно действующий субъект.

Он начинает активно выбирать из всего многообразия показаний органов чувств лишь такие, которые имеют какое-то отношение к цели деятельности его в качестве общественного человека. Он превращает в чувственные данные одни показания органов чувств и опускает другие, как не имеющие никакого отношения к делу.

Сама деятельность чувственного воспринимания начинает совершаться как активная, целенаправленная деятельность. И орудиями, средствами этой деятельности становятся различные формы общественного сознания, и прежде всего – речь вместе с содержащимися в ней рассудочными категориями.

Это значит, что человек начинает активно сосредотачивать свое внимание на чувственно данных сходствах, на чувственно данных различиях, на фактах повторяемости следования одних чувственно данных явлений за другими и т.д. То есть акт абстрагирования он начинает совершать целенаправленно, в то время как животное в акте абстрагирования (в акте выработки условного рефлекса) повинуетя исключительно физиологической потребности.

Здесь важно отметить следующее. Специфика человеческого чувственного восприятия заключается в том, что человек активно, сознательно, целенаправленно фиксирует свое внимание на одних чувственных впечатлениях и столь же активно отвлекается, как от несущественных, от других показаний органов чувств.

Иными словами, в самом акте чувственного восприятия уже присутствуют сознание и воля. Ибо сосредоточение внимания на чем-либо есть не что иное, как акт воли.

При этом в акте осознания воля выступает как сознательно направляемая воля, и в этом ее отличие от инстинктов и условных рефлексов, определяющих поведение животного.

Это обстоятельство – активность, целенаправленность акта чувственного созерцания у человека – всегда всемерно подчеркивалась немецкими идеалистами и особенно резко Гегелем. Он подчеркивает, что человек в самом акте чувственного воспринимания ведет себя как активный субъект, то есть вполне сознательно допускает одним показаниям органов чувств запечатлеваться в сознании, а другим – не допускает, активно отвлекается от них, не принимает во внимание, не берет их в качестве чувственных данных.

Так что у человека – и именно благодаря речи и общественной практике – самое превращение показаний органов чувств, как чисто физиологических явлений, в факты познания, в то, что называется чувственными данными, уже есть акт деятельности сознательной воли.

Последняя определяется, как показал диалектический материализм, потребностями общественно-исторической материальной практики, а не природой духа, как это изображал Гегель.

Иными словами, в самом акте чувственного восприятия человек ведет себя вполне сознательно. Это значит, что он сознательно руководствуется в акте чувственного познания теми общими требованиями, которые зафиксированы в речи, в форме содержащихся в ней рассудочных категорий, таких как тождество, различие, причинность и т.д.

Если мы в философии рассматриваем чувственную ступень познания, то мы должны иметь в виду, что мы рассматриваем человеческую чувственность, которая как таковая уже в самой своей основе по существу определяется потребностями материальной жизни общества, выражаемыми в виде, в форме *цели*, которую индивид сознательно преследует в самом акте чувственного воспринимания, в акте превращения факта раздражения органов чувств в факт сознания, в *чувственное данное*.

(Так, например, звездное небо над головой питекантропа отражалось по всем законам оптики и физиологии в мозгу этого питекантропа. Но имело ли это обстоятельство хоть какое-нибудь отношение к процессу познания питекантропом окружающего мира? То есть, имело ли это физиологическое обстоятельство значение чувственных данных? Разумеется, нет. Зато значение чувственных данных для него имели другие физиологические раздражения органов чувств, а именно, чувственные впечатления от тех предметов природы, которые имели непосредственное значение для жизнедеятельности питекантропа.)

Поэтому, когда говорится о чувственных данных, как первой, непосредственной ступени познания, отражения, то не было бы ничего ошибочнее, нежели считать, что вопрос о чувственной ступени познания может быть рассмотрен сам по себе, независимо от той цели, которую человек преследует в познании, независимо от анализа логической деятельности сознания.

Когда Гегель говорит, что с чувственностью как таковой теория познания дела иметь не может и что теория познания совпадает по самому своему существу, с самого начала с *логикой*, то в этом имеется весьма законный методологический резон. А именно, если я рассматриваю работу чувственности как таковую, я отвлекаюсь от того обстоятельства, что чувственность человека, в отличие от чувственности животного, имеет характер активной, целенаправленной деятельности – деятельности, с самого же первого шага совершающейся под контролем *сознания*. То есть я отвлекаюсь от того фундаментального факта, что сознание человека активно выбирает одни показания органов чувств и не обращает ровно никакого внимания на другие.

Иными словами, не от чувственности как таковой зависит, приобретают те или иные показания органов чувств значение чувственных данных, которые усваиваются сознанием или проскальзывают мимо сознания, оставаясь только физиологическими раздражениями органов чувств, и не усваиваются сознанием, не принимаются им во внимание как данные, имеющие значение для выработки правильного представления о предмете.

Сам факт избирательности, присутствующей с самого начала в акте чувственного восприятия, не может быть объяснен из самой по себе взятой чувственности. Он из другого источника, нежели физиология органов чувств, проистекает. А именно – из общественно-исторической природы человека как субъекта познания. Эта общественная природа субъекта имеет

свою реальность не в виде физиологического аппарата, а в виде форм и законов общественного сознания, одной из элементарных форм которого является хотя бы речь с заключенными в ней категориями рассудочной деятельности.

Еще ярче это обстоятельство выступит во всем его значении, когда мы обратимся к рассмотрению мышления, как высшей познавательной способности человека, как высшей формы развития сознания.

Если речь с рассудочными категориями представляет собою как бы ту первую сеть, сквозь которую из индивидуального созерцания проскальзывает лишь такое его содержание, которое не зависит от индивида, и если индивид, пользующийся речью и рассудочными категориями, активно выбирает из всей массы показаний органов чувств лишь такие, которые могут быть сообщены в форме речи другому индивиду и тем самым могут сделаться фактом, общественно значимым фактом общественного сознания, то в форме категорий логики человек уже сознательно завязывает следующую сеть категорий, сквозь которую из индивидуального созерцания может проскальзывать лишь такое содержание, которое является специфичным для логического мышления, – такое содержание индивидуальных впечатлений, которое не зависит от всего человечества в целом, и вообще от какого бы то ни было субъекта.

Если логическое мышление понять как особую деятельность сознания, специфичной целью которой оказывается выработка объективной истины, то есть вычленения лишь такого содержания в сознании, которое не зависит ни от человека, ни от человечества, то проблема чувственности выступит здесь совсем по-иному. С самого начала логический процесс будет выявлять в чувственных данных лишь такое содержание, которое не зависит ни от человека, ни от человечества.

*Мышление, логический процесс, с самого начала есть целесообразная деятельность сознания, духовная деятельность, специальной целью которой является достижение объективной истины, как такого своего собственного содержания, которое не зависит ни от воли, ни от сознания человека и человечества*¹⁰.

В мышлении, если его рассматривать как высшую форму сознания, в максимально резкой форме выступает активный, целенаправленный характер сознания человека вообще. Поэтому – поскольку, как вы помните, анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны, – анализ мышления дает возможность объективно понять и менее развитые формы сознания.

Что мышление, или логический процесс, есть целенаправленная деятельность, отдающая себе отчет в каждом шаге своего собственного движения, соразмеряющая каждый шаг этого движения с целью, которой оно стремится достигнуть, это, по-видимому, доказывать не приходится. Достаточно указать на то, чем мы с вами сейчас занимаемся, и как мы при этом поступаем.

Мы пытаемся путем целого ряда действий мышления выработать себе представление о том, каким предмет является сам по себе, независимо как от нашей с вами воли и сознания, так и от сознания любого автора книги по этому вопросу, – независимо от того, как его осознает Каммари или Тугаринов¹¹, Аристотель, Локк или Гегель.

¹⁰ В рукописи этот абзац выделен отбивкой и окантован значками «+» и «=».

¹¹ В 50-е гг. В.П. Тугаринов был деканом философского факультета ЛГУ, а М.Д. Каммари – главным редактором «Вопросов философии». Упоминание этих имен в одном ряду

Если бы мы имели у классиков марксизма развернутое решение вопроса, то мы бы, конечно, вправе были бы посчитать, что оно правильно, объективно освещает предмет. Но у классиков марксизма, как известно, имеются только отрывочные отдельные замечания по этому поводу, которые – именно потому, что они не развернуты систематически, – и толкуются вкривь и вкось, превращаются в звенья какой-то иной системы представлений.

Истину же невозможно усвоить иначе, как в виде системы представлений систематически развернутого понимания.

Мы, таким образом, стоим перед задачей следующего рода. Предмет находится перед нами. Это в общем и целом процесс объективного познания мира человеческим сознанием. Мы сразу же оказываемся перед затруднением: какие непосредственно данные нам факты, связанные с процессом объективного познания, нам придется принимать во внимание в качестве данных, имеющих отношение к делу?

Ведь очевидно, что от невыясненности именно этого пункта сразу же начинаются всевозможные разногласия. Тут нельзя сказать, что нужно принимать во внимание все факты, имеющие какое-либо отношение к процессу исследования мира человеком. Ибо отношение к этому процессу имеет и тот факт, что человек есть высокоразвитое в биологическом отношении существо, и тот факт, что ощущение связано с деятельностью нервных клеток, и так далее и тому подобное. И именно на этом основании в теорию познания некоторые наши авторы впихивают всю чисто физиологическую проблематику, всю психологическую проблематику и т.д. и т.п.

С этой трудностью сразу сталкивается любая наука. То есть сразу же, с первого шага исследования мы оказываемся перед необходимостью определить, какие из чувственно данных фактов имеют отношение к делу, а какие – не имеют и не могут учитываться при выработке научных обобщений, выводов.

Это – известный вопрос о начале науки, который мы с вами будем разбирать позже, как вопрос, относящийся уже к самому содержанию теории познания, совпадающей с логикой.

Как тут нам поступить в данном случае? Если спросить эмпирика об этом, то он начнет разглагольствовать приблизительно в таком тоне: надо-де исследовать чувственно данные факты. Очень хорошо. В данном случае эмпирик прав. Но с этим советом нам буквально нечего делать далее. Ибо с самого начала встанет вопрос о том, чтобы из всего многообразия фактов выбрать лишь такие, которые действительно имеют органическое, внутреннее отношение в предмету, который нас в данном случае интересует. А на этот счет эмпирик не скажет уже ничего вразумительного.

Мы, таким образом, сразу же оказываемся перед старинной трудностью. Мы ставим перед собой цель – достигнуть объективного познания предмета. Мы хотим с самого же первого шага сознательно, целенаправленно приводить свои представления к соответствию с предметом.

Этот процесс целенаправленного приведения сознания к соответствию с предметом очень легко себе представить, когда речь идет о простом пересказывании, копировании предмета, который находится в созерцании. Тогда

с великими философами – конечно, просто насмешка. Малограмотные, но очень воинствующие материалисты имели манеру свысока смотреть на «идеалистов» и «метафизиков» прошлого.

мы поступаем как художник, ставящий и модель, и ее изображение перед собою и переносящий черты модели на бумагу.

Но логическое мышление, и в этом-то вся трудность, старается привести сознание к соответствию с моделью, которая еще неизвестна, – с внутренней закономерностью своего предмета. Закономерность же эта нам непосредственно не дана в созерцании.

Публикация и примечания А.Д. Майданского

Список литературы

- Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г.Г. Шпета. М.: Наука, 2000. 495 с.
- Ильенков Э.В. Проблема предметности сознания // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков (Книга – диалог) / Сост. и ред. В.И. Толстых. М.: Институт философии РАН, 1997. С. 153–169.
- Ильенков Э.В. Философия духа // Ильенков Э.В. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960. М.: Канон+, 2017. С. 306–332.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 29: Философские тетради. М.: Политиздат, 1969. 782 с.
- Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В.В. Целищев. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. 320 с.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 5–338.
- Searle J.R. The Rediscovery of the Mind. L.: MIT Press, 1992. 270 pp.
- Sellars W. Empiricism and the Philosophy of Mind. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1997. 179 pp.

<A lecture on mind>*

Edvard V. Ilyenkov

(Preface and notes by Andrei D. Maidansky)

Belgorod National Research University. 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: amaid@rambler.ru

The archive of the Soviet Marxist philosopher Evald Ilyenkov contains a draft of a lecture on the nature of human mind. This was one of the lectures that Ilyenkov gave for senior students of the philosophical faculty at Moscow State University in 1953–1955. His thought runs counter to the concept of the mind as a function of the brain that “copies and photographs” the outside world by means of the senses (an understanding that dominated the Soviet philosophy). Ilyenkov asserts that the conscious mind is formed through the work of the logical categories, which constitute the social reason. In the Foreword to the publication, a parallel is drawn between the criticism of the sensationalist model of mind by Ilyenkov and Wilfrid Sellars, the founder of the “analytic philosophy of mind”. Both philosophers place language between “raw” sensual perceptions and the human mind. However, for Sellars language is the creator of the conscious mind, whereas for Ilyenkov language is only an instrument of reason, which allows it to pick out the perceptions that are significant for other people filtering away everything else. The logical structure of

* The study was funded by RFBR, project no. 20–011–00646 “Soviet Philosophy of Consciousness in 1950–80s: Concepts, Hypotheses, Arguments”.

language is determined by the categories of the singular and the universal, by affirmation and negation, cause and effect, etc. With the help of the categories of reason, an individual transforms their sensual impressions into “facts of consciousness”. Active focusing on the similarities and differences of sensible objects, on how one perception follows another, etc. constitutes the primary activity of will. Ilyenkov points out that this purposefulness of sensory contemplation is what distinguishes man from animals. If language forms the first “floor” of consciousness, then its upper “floor” is logical thinking. The latter discovers causal relationships of things and the laws of nature. The contents of such thought do not depend on will and consciousness, they are objectively true.

Keywords: conscious mind, sensual perception, language, will, categories, reason, logical thinking, Ilyenkov, Sellars

For citation: Ilyenkov, E.V. “<Lektsiya o soznanii>” [<A lecture on mind>], ed. with pref. and notes by A.D. Maidansky, *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 1, pp. 162–172. (In Russian)

References

- Engels, F. “Anti-Dühring”, in: K. Marx & F. Engels, *Sochineniya* [Works], 2 ed., Vol. 20. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1961, pp. 5–338. (In Russian)
- Hegel, G.W.F. *Fenomenologiya dukha* [The phenomenology of mind], trans. by G.G. Shpet. Moscow: Nauka Publ., 2000. 495 pp. (In Russian)
- Ilyenkov, E.V. “Filosofiya dukha” [The philosophy of mind], in: E.V. Ilyenkov, *Ot abstraktnogo k konkretnomu. Krutoi marshrut. 1950–1960* [From the abstract to the concrete. A steep route. 1950–1960]. Moscow: Kanon+ Publ., 2017, pp. 306–332. (In Russian)
- Ilyenkov, E.V. “Problema predmetnosti soznaniya” [The problem of objectivity of mind], *Drama sovetskoi filosofii. Evald Vasil’evich Ilyenkov (Kniga – dialog)* [A drama of Soviet philosophy. Evald Vasil’evich Ilyenkov (A book – dialogue)], ed. by V.I. Tolstykh. Moscow: IPh RAS Publ., 1997, pp. 153–169. (In Russian)
- Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii*, Vol. 29: *Filosofskie tetradi* [Complete works, Vol. 29: Philosophical notebooks]. Moscow: Politizdat Publ., 1969. 782 pp. (In Russian)
- Rorty, R. *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the mirror of nature], trans. by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk St. Univ. Publ., 1997. 320 pp. (In Russian)
- Searle, J.R. *The rediscovery of the mind*. London: MIT Press, 1992. 270 pp.
- Sellars, W. *Empiricism and the philosophy of mind*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. 179 pp.